

В.С. ЛЕНСКАЯ*

ЭКЗЕГЕТЫ В АФИНАХ КАК ЗНАТОКИ ЗАКОНОВ БОЖЕСКИХ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

В статье рассматривается институт афинских экзегетов — толкователей писаного и неписаного права: время его появления, причины появления, способ назначения экзегетов и социальная среда, из которой они назначались, количество и различные категории экзегетов, а также выясняется, кто был основным клиентом экзегетов — государство или частные лица.

Ключевые слова: Афины, культ, законы, ритуал, культовый персонал, экзегеты.

Exegetes appeared in Athens after the reforms of Solon, to interpret the newly written laws and explain the unwritten laws. Exegetes were elected from the eupatrids, who traditionally had knowledge of the law, and the number of exegetes could vary during different times. Exegetes were in demand by both the state, which consulted them about the necessary rituals and sacrifices in exceptional cases, and by the individuals, who often turned to the exegetes for explanation of murky and unclear legal cases in relation to observing the ancestral customs in everyday life. The position of exegetes within the state may have changed: according to our sources, the state had the least need for exegetes from the end of the 4th century to the middle of the 2nd century BC; later on, with growing archaizing tendencies and an interest in the ancient and antiquity, the «demand» for exegetes increased, and they began appearing on various state boards and delegations. There was no decline in want for exegetes amongst the individuals.

Keywords: Athens, cult, laws, rites, cult personnel, exegetes.

Афинские экзегеты — одни из немногих лиц культового персонала, сведений о которых осталось чрезвычайно мало, тогда как роль, которую они играли в афинском государстве, была не такой уж малозначительной. Экзегеты являлись своего рода консультантами по вопросам, связанным

---

* Ленская Валерия Серговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

с ритуалом и необходимыми культовыми действиями, которые сопровождали практически все действия греков. Первое свидетельство об афинских экзегетах в источниках встречается в «Евтифроне» Платона (399 г. до н.э.), хотя появился этот институт, скорее всего, гораздо раньше, о чем мы скажем ниже. Упоминаются экзегеты у авторов IV в. до н.э., в эпиграфических источниках (правда, с перерывом в несколько веков – с 329/8 до 129/8 г. до н.э.) и у поздних грамматиков и лексикографов.

Согласно Платону, к экзегетам за консультацией по поводу надлежащих ритуалов и очищений обращались в любых случаях, касающихся смертей (*Plato. Leg. XII.958d*); в компетенцию их входили ритуалы, связанные с брачными церемониями (*Plato. Leg. VI.775a*), и ритуалы, необходимые в случаях порчи или отравления воды, необходимой для садоводства (*Plato. Leg. VIII.845e*). Кроме того, Платон вообще называет экзегетов знатоками любых праздников и связанных с ними жертвоприношений и в своем идеальном государстве отводит им первую роль в установлении необходимых празднеств (после законодателя) (*Plato. Leg. VIII.828b*).

Упоминание об экзегете мы встречаем у Исея в пассаже, посвященном получению наследства: его клиент, которого пытались лишить наследства, ходил к толкователю и «по его указанию сделал расходы от себя на девятый день поминок, устроив наилучшим образом, чтобы прекратить это их кошунство и чтобы не казалось, что они понесли все расходы» (*Isaeus. VIII.39*; пер. Г.А. Тароняна). Таким образом, наследственные дела также входили в их компетенцию.

Пожалуй, одним из самых частых случаев в практике консультаций с ними было обращение к экзегетам по делам, связанным с убийством: убийство, как известно, считалось не только уголовным преступлением, но и оскорблением богов, нечестием и как таковое приобретало дополнительный оттенок, сопряженный с разного рода очистительными ритуалами. Последнее, безусловно, требовало консультации со специалистами, но и первое, т.е. убийство как правовое преступление, не было достаточно хорошо разработано в кодексе, и зачастую также была необходима консультация со знатоками, в качестве каковых и выступали экзегеты. Например, в «Евтифроне» Платона отец Евтифрона посылает человека к экзегету, чтобы узнать, что он должен делать с наемником, в пьяном виде зарезавшим его раба (*Plato. Euthyphr. 4c-d*). Еще более рельефно подобный случай обозначен у Демосфена: когда истец обратился к экзегетам после убийства его кормилицы, те предложили ему, во-первых, разъяснить нормы права (ἐξηγήσωνται) и, во-вторых, дать совет, как лучше поступить (συμβουλευέωσιν). На просьбу сделать то и другое они ответили: «Мы изъясним тебе священные установления и посоветуем то, что будет полезно» (τὰ μὲν νόμιμα ἐξηγήσομεθα, τὰ δὲ σύμφορα παραινέ-

σομεν) (*Dem.* XLVII.68–71; пер. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева). Рекомендации экзегетов включали как чисто правовой аспект дела (был дан совет не вчинять иск у архонта-басилевса, занимавшегося делами о преднамеренных убийствах, поскольку убитая не состояла в родстве с истцом), так и сакральный аспект (было предложено совершить акты очищения дома и самого себя, а также организовать охрану могилы в течение трех дней). Проконсультировавшись с экзегетами, истец также не упустил случая самостоятельно изучить стелы с законами Драконта об убийствах, т.е. фактически проверил сказанное ему экзегетами, и в итоге поступил так, как ему посоветовали.

Наконец, еще одно упоминание об убийствах, разбиравшихся экзегетами, встречаем в «Законах» Платона: он пишет, что экзегеты должны участвовать в разборе случаев убийства чужого раба, причем в данном случае их роль состоит в назначении очищений (*Plato. Leg.* IX.865a-d). Кроме того, к экзегетам обращались в случаях самоубийств по поводу очищения и погребения самоубийц (*Plato. Leg.* 873d).

Итак, в делах об убийствах экзегеты предстают перед нами знатоками законов как человеческих, т.е. писаного права, так и божественных, т.е. неписаного права. Если случай был ясен и определенно зафиксирован в кодексе, возможно, с экзегетами консультировались только по поводу необходимых ритуалов и очищений; Платон называет экзегетов знатоками молитв и жертвоприношений определенным богам, которые пекутся о том, чтобы в государстве не совершалось убийств (*Plato. Leg.* IX.871c). Однако в спорных и неясных случаях (каковых, надо предполагать, было немало) к ним обращались и с вопросами для разъяснения правовых казусов; в обоих случаях они могли дать консультацию и совет.

Наконец, из авторов IV в. до н.э. об экзегетах упоминает Феофраст, с иронией описывая суеверного человека: суеверный ходил к экзегету, когда мышшь прогрызла мучной мех, и просил истолковать это знамение. И хотя экзегет дал ему разумный совет отдать мех в починку, суеверный тем не менее совершил обряд очищения (*Theophr.* Charact. 16.6).

Следующая группа источников относится уже к более позднему времени — мы встречаем упоминания об экзегетах у лексикографов. Их сообщения чрезвычайно кратки и не позволяют нарисовать сколь-нибудь полную картину, но, конечно, мы не можем их проигнорировать. У Гарпократия экзегет определяется как «объясняющий священные обряды. Также были такие, которые объясняли нуждавшимся предписанные правила об усопших» (*Harporcr.* s.v. ἐξηγητής, тжж. *Suda.* s.v. ἐξηγηταί). В «*Ety-mologicum Magnum*» экзегеты определяются как «объясняющие законы незнающим и разъясняющие несправедливость в случае подачи жалобы. Также толкующие отеческие установления (τὰ πάτρια)» (*Et. Magn.* s.v. ἐξη-

γηταί). У Поллукса экзегетами названы те, кто «учил о небесных знамениях и других священных вещах» (*Poll.* 8.124), у Гесихия — те, «толкует о жертвах и небесных знамениях» (*Hesych.* s.v. ἐξηγητής). Тимей, автор лексикона к Платону, пишет, что экзегеты очишали от скверны и объясняли отеческие установления (τὰ πάτρια) (*Tim.* Lex. in Plato. s.v. ἐξηγηταί). Поскольку источники информации не указаны, нам остается только догадываться, насколько точно сообщения лексикографов соответствовали историческим реалиям: так, сообщения о том, что экзегеты объясняли τὰ πάτρια и священные обряды, а также объясняли нуждавшимся законы, несомненно, правдивы и соответствуют сведениям, которые дают наши ранние источники, а вот факт очищения от скверны вызывает некоторые сомнения, не спутаны ли экзегеты с прорицателями (μάντις).

Наконец, говоря о письменных источниках, необходимо упомянуть и авторов, составивших так называемые толковники (οἱ ἐξηγητικοί) начиная с IV в. до н.э. Нам известны такие авторы, как Клидим, цитату которого о заупокойных обрядах из «толковника» приводит Афиней (*Athen.* IX.78), Антиклид, также процитированный Афинеем по поводу описания знаков Зевса-Хранителя (*Athen.* XI.46), Дидим, сын Антиклида, разъяснявший слова из толковника, составленного, возможно, его отцом (*Harpocr.* s.v. ὀξυθύμια), Автоклид, о котором пишет Плутарх, приводя его слова о злотворном влиянии солнца и луны (*Plut. Nic.* 23. 9), Хаброн, писавший о праздниках и жертвоприношениях (*Steph. Byz.* s.v. Βατή), Тимостен (*Schol. Apoll. Rhod.* Argon. III.846/47a) — во всех приведенных случаях в источниках употреблено слово «ἐξηγητικοί» или «ἐξηγητικός». Были также «толковники», составлявшиеся в отдельных родах и называвшиеся «πάτρια», упоминания о которых мы встречаем у Цицерона, просившего прислать ему Εὐμολπιδῶν πάτρια (*Cic.* Ad Att. 1.9.2), и у Афиней, писавшего о существовании τὰ Εὐπατριδῶν πάτρια, в которых, в частности, было записано о ритуале очищения (*Athen.* IX.78). Записи экзегетов появляются не ранее IV в. до н.э., что, возможно, свидетельствует о некотором падении спроса на непосредственные консультации с экзегетами; впрочем, мы не думаем, что подобного рода «толковники» были очень популярны и читаемы в широких массах, так что консультации с экзегетами по поводу необходимых ритуалов все равно были неизбежны.

Последняя группа источников, в которых упомянуты экзегеты, — это надписи. Надписей об экзегетах сохранилось очень немного, и в массе своей они датируются поздним временем, начиная с 20 г. II в. до н.э. Их можно разделить на несколько групп: а) надписи эфебов, в которых они сообщают, что совершили жертвоприношения вместе с косметом, жрецом и экзегетами (IG II² 1006, 122/1 г. до н.э.; SEG 21, 476, ок. 120 г. до н.э.; IG II² 1008, 118/7 г. до н.э.; Hesperia 1947. 16, 170, 67, 117/6 г. до н.э.;

IG II² 1028, 100/99 г. до н.э.; IG II² 1029, 94/3 г. до н.э.) или провели Пифаиду (FD III 2, 24, 128 г. до н.э.); б) дельфийские надписи, в которых говорится, что афинские экзегеты совместно с другими лицами жреческого сословия совершили священную миссию в Дельфы (δωδεκής) (FD III 2, 59, 26 г. до н.э.; FD III 2, 60, 26 г. до н.э.; FD III 2, 61, 26–11 гг. до н.э.; FD III 2, 64, нач. I в. н.э.) и Пифаиду (FD III 2.5, 106 г. до н.э.; FD III 2, 6, 97 г. до н.э.); с) отрывочные надписи, в которых упомянуты экзегеты, в частности надпись 129/8 г. до н.э., в которой говорится, что экзегеты совместно с другими должностными лицами (архонтами, жрецами, иерофантом и дадухом, агонифетами) участвовали в проведении Таргелий (SEG 21, 469), а также ряд других, в которых экзегеты только упоминаются (IG II² 5023 – надпись на театральном кресле, IG II² 3513, IG II² 4081, IG II² 7447 и др., все римского времени); d) надписи, упоминающие экзегетов из рода Евмолпидов, составлявших особую группу экзегетов (IG II² 1672, 329/8 г. до н.э.; IG II² 3487, IG II² 3490, IG II² 3524, IG II² 3621, IG II² 4071 и др., все римского времени).

При этом надо отметить, что в нескольких надписях экзегеты делятся на две группы: ἐξηγητῆς ὁ τυθόχρηστος – экзегет, назначенный Аполлоном Пифийским (сведения о них сохранились в надписях периода 128/7 г. до н.э. – 312 г. н.э.), и ἐξηγητῆς ἐξ ἐμπαιδῶν ὁ ὑπὸ τοῦ δήμου καθεστάνεμος – экзегет из эмпатридов, назначенный народом (106/5 г. до н.э. – 180 г. н.э.) (FD III 2, 5; FD III 2, 6; FD III 2, 24; FD III 2, 59; FD III 2, 60; FD III 2, 61; FD III 2, 64; IG II² 4081; IG II² 3513 etc.). Об экзегетах τυθόχρηστοι также кратко упоминает Тимей (*Tim. Lex. in Plato. s.v. ἐξηγηταί*). К рассмотрению различий между ними мы еще вернемся.

Что касается более ранних надписей, то их сохранилось всего несколько: в одной из них, датируемой 336–330 г. до н.э., экзегет приказывает жрице Афины Ники совершить жертвоприношение после ремонта статуи Афины Ники (IG II² 444). И, наконец, самая ранняя, вызвавшая бурную дискуссию в историографии (о чем ниже), датируется 440–432 гг. до н.э. и посвящена дарованию права бесплатных обедов в пританее ряду должностных лиц (IG I³ 131). Среди этих лиц, возможно, упомянуты «экзегеты, которых назначил Аполлон» (l. 9–10), однако восстановление спорно, и вопрос до настоящего времени остается нерешенным. Две надписи IV в. до н.э. упоминают об Элевсинских экзегетах (IG I³ 78a и IG II² 140).

Итак, как видим, сведения об афинских экзегетах довольно кратки. Очевидно, что история их существования охватывает много веков (по крайней мере от V в. до н.э. и до первых веков нашей эры), что экзегеты считались знатоками как писаного, так и неписаного права (τὰ πάτρια) и могли дать консультацию по любому вопросу, связанному с правовыми казусами и ритуалами, которые, как правило, сопровождали любое правовое дело. С ними консультировалось как государство, что мы видим

в надписи, касавшейся ремонта статуи Афины Ники, так и частные лица. Кроме того, экзегеты вместе с другими должностными лицами могли участвовать в официальных ритуальных процессиях, проводившихся государством, и исполняли какую-то роль в жертвоприношениях афинских эфэбов, хотя бы и чисто формальную. Участие экзегетов в политике и решении политических вопросов нигде не зафиксировано.

Эти сведения мы можем извлечь из имеющихся в нашем распоряжении источников. Какие вопросы встают перед исследователем, желающим изучить историю экзегетов более подробно? Во-первых, время появления этого института; причины его появления; способ назначения и социальная среда, из которой они назначались; количество экзегетов; различные категории экзегетов; причины столь редкого упоминания о них в источниках. Нужно отметить, что историография вопроса не столь уж обширна: фактически экзегетам посвящено всего два исследования, вышедших почти одновременно: глава о них в работе Ф. Якоби «Аттида. Локальные хроники древних Афин» (1949) и монография Дж. Оливера «Афинские толкователи сакрального и родового права» (1950). Оба исследователя дают прекрасную подборку источников, но расходятся почти по всем принципиальным вопросам, о чем мы скажем ниже. При этом и Ф. Якоби, и Дж. Оливер рассматривают экзегетов как официальных лиц, находившихся на службе государства, и именно с этих позиций решают основные вопросы. Мы же постараемся показать, что экзегеты прежде всего были людьми, дававшими консультации частным лицам, — во всяком случае, в период до II в. до н.э., — государство же было заинтересовано в их услугах гораздо меньше.

Время появления экзегетов стало предметом острой дискуссии между исследователями, которые разделились на две группы: так, одни считали, что они появились в эпоху Солона или даже раньше (Ф. Якоби¹, Г. Блох²), другие (Дж. Оливер³, К. Клинтон⁴) — исходя из того, что впервые письменное упоминание об экзегетах мы встречаем у Платона в «Евтифроне», датирующемся 399 г. до н.э., — относят их появление к концу V в. до н.э. и связывают с работой комиссии под руководством Никомаха, пересматривавшей законы Солона. К сожалению, единственное документальное свидетельство, которое могло бы подтвердить существование экзегетов уже в начале V в. до н.э., а именно декрет о даровании права обедов в пританее ряду лиц (IG I³ 131, 440–432 гг. до н.э.), сохранилось плохо. В прочтении его наметились разно-

---

¹ Jacoby 1949, 38–41.

² Bloch 1953, 410.

³ Oliver 1950, 31.

⁴ Clinton 1974, 91.

гласия: одни восстанавливают строчки о даровании Аполлоном привилегии (I. 9–11) в пользу экзегетов – καὶ ἐξηγητὰς οὓς ἂν ὁ Ἀπόλλων ἀνῆλεν ἐχσεγόμενος τὰ νόμια (или τὰ πάτρια) λαβεῖν πάντας σίτεσιν⁵, другие – в пользу прорицателей – καὶ εἴ τινες ηὐλέφασιν δορεῖαν παρὰ Ἀθηναίων κατὰ τὰ δεδομένα κατὰ τὴν μαντείαν ἔεν ἢ ὁ Ἀπόλλων ἀνῆλεν ἐχσεγόμενος τὰ νόμια ἔχεν τούτος σίτεσιν⁶ или τὼν μάντειον ἡὸς ἂν ἡὸ Ἀπόλλων ἀνῆλει ἐχσεγόμενος τὰ νόμια λαβεῖν πάντας σίτεσιν⁷. Как видим, мнения варьируются, в силу плохой сохранности надписи вариантов восстановления может быть множество. Мы присоединяемся к восстановлению в пользу экзегетов, поддерживая мнение Р. Шёля (первого реставратора надписи) о том, что Платон в пассаже об экзегетах употребляет ту же самую лексику, которая использована в надписи: τούτων δ' ἐξηγητὰς εἶναι κυρίου οὓς ἂν ὁ θεὸς ἀνέλη (Plato. Leg. IX.865D)⁸. Кроме того, ни один источник нигде не сообщает нам, что Аполлон когда-либо назначал в Афинах прорицателей (μάντεις), поэтому восстановление в пользу прорицателей кажется нам произвольным. Впрочем, конечно, с уверенностью утверждать ничего нельзя, вопрос остается открытым и может быть решен только в случае новых эпиграфических находок. Предположим, экзегеты отсутствуют в надписях V в. до н.э., но, по замечанию Г. Блоха, то же самое можно сказать и о χρησολόγοι, однако последние очевидно существовали в это время⁹. Что касается письменных источников, то природа литературы V в. до н.э. (скажем, Геродот или Фукидид), как отмечает тот же Г. Блох, не дает особых оснований для их упоминания, поскольку никакой роли в политике они не играли¹⁰.

Способ назначения экзегетов нам известен из «Законов» Платона, который, по мнению большинства исследователей, скопировал своих предполагаемых для нового полиса экзегетов из существовавшей в его время практики. Согласно Платону, каждая из четырех фил¹¹ трижды выбирала четырех

⁵ Schoell 1872, 30–42; Ehrmann 1908, 368.

⁶ F. Hiller von Gaertringen в издании IG I² 77.

⁷ Ostwald 1951, 26. Есть и другие, «смешанные» варианты восстановления (см., например: Oliver 1950, 140–141; Id. 1954, 173).

⁸ Schoell 1872, 35–37; Persson 1918, 11; Wade-Gery 1932–1933, 126.

⁹ Bloch 1953, 410.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Платон возвращается в своем предполагаемом государстве к древним аттическим филам, тогда как согласно сакральному календарю Афин конца V в. до н.э. в религиозной жизни использовались 12 древних триттий; базовой основой для этих триттий, несомненно, являлись четыре старые филы (Oliver 1951, 45, 64–65).

человек, из которых три становились кандидатами на должность экзегета-пифохриста, т.е. экзегета, назначавшегося Аполлоном Пифийским. Четвертый, по всей видимости, был кандидатом на должность экзегета из эвпатридов, назначаемого народом, хотя прямо об этом Платон не говорит. Кандидатуры всех девяти избранных таким образом экзегетов посылались в Дельфы, где Аполлон утверждал троих, по одному из каждой тройки. Число три по отношению к пифохристам названо также у Тимея, который, по свидетельству такого авторитетного знатока афинских источников, как Ф. Якоби, писал по источникам, отличным от Платона (*Tim. Lex. in Plato. s.v. ἐξήγηται*). Возраст экзегетов должен был быть, как у жрецов, т.е. 60 лет, должность они исполняли пожизненно (*Plato. Leg. VI.759e*). При этом, как подчеркивает Ф. Якоби, экзегеты-пифохристы вовсе не были «агентами» Дельфийского оракула в Афинах и не имели никаких непосредственных с ним контактов; единственное, что делал Аполлон, — это утверждал их кандидатуры. Должностные лица, специально посылавшиеся в Дельфы для контактов с оракулом, назывались «θεοπρόβοι» или «θεωροί», а истолкователи оракулов — «μάντιες»¹². Таким образом, процедура утверждения носила чисто формальный характер и, вероятно, должна была придать этой должности дополнительный «вес» в глазах афинян.

Число экзегетов неоднократно обсуждалось в литературе¹³, однако к единому мнению исследователи не пришли: так, в «Законах» Платона, как видим, говорится о трех экзегетах-пифохристах и одном, назначенном демосом; в «Евтифроне» Платона отец героя посылал за консультацией к одному экзегету, также и клиент Исея консультировался с одним экзегетом; клиент Демосфена обращался к коллегии экзегетов, число их не названо. В надписях мы встречаем то множественное число (IG II² 1006; SEG 21, 476; IG II² 1008; IG II² 1028; IG II² 1029; FD III 2, 24), то единственное (IG II² 444; FD III 2, 59; FD III 2, 61; FD III 2, 6 — в трех последних надписях упомянуты один экзегет-пифохрист и один экзегет из эвпатридов, назначенный демосом). Очевидно, что в IV в. до н.э. экзегетов было несколько; составляли они коллегию или давали консультации раздельно, трудно сказать, возможны оба варианта; вполне вероятно даже, что бывали дни «совместной работы» и дни «дежурств» разных экзегетов в случае отсутствия других по различным причинам. В дальнейшем число их могло меняться, что часто бывало в истории с членами различных коллегий, как показал Г. Блох на примере римской истории¹⁴. Во всяком слу-

¹² Jacoby 1949, 31–32.

¹³ Подробнее об этом см.: Oliver 1950, 36.

¹⁴ Bloch 1953, 413–414.

чае, следует признать, что при настоящем состоянии источников вопрос о численности афинских экзегетов пока решен быть не может.

Исходя из сообщения Платона можно сделать предположение и о времени появления коллегии экзегетов: Платон говорит о четырех филах, которые существовали до Клисфена. Ф. Якоби считает, что Платон просто пересказал древний закон Солона об экзегетах¹⁵. По мнению этого исследователя, именно время Солона было временем, когда к древней коллегии экзегетов, назначавшихся из эвпатридов, была добавлена новая коллегия, члены которой могли и не принадлежать к древней знати; это соответствовало духу законов Солона и может быть сопоставимо с процессом присоединения к древним аристократическим институтам, например Ареопагу, новых демократических, каковым являлся, скажем, Булэ. Таким образом, по мнению Ф. Якоби, новая коллегия экзегетов-пифохристов являлась органом, состоявшим на службе государства, хотя старая коллегия экзегетов-эвпатридов продолжала существовать наряду с новой¹⁶. Возникает два вопроса: 1) существовала ли коллегия экзегетов до Солона и 2) могли ли стать высшими сакральными лицами «новые люди», т.е. не эвпатриды? Существование особой коллегии экзегетов до Солона, на наш взгляд, сомнительно, поскольку вся законодательная сфера находилась в руках эвпатридов, которых Плутарх называет «блюстителями законов божеских и человеческих» (θεῶν καὶ ἰεράων ἐξηγητάς) (*Plut. Thes.* 25 – в данном случае понятие «экзегет» употреблено, конечно, в широком смысле); таким образом, необходимости в особой коллегии не существовало. Мы также не можем согласиться с тем, что в столь ранний период истории какую-либо сакральную должность могли занимать не члены древних аристократических родов; процесс демократизации, происходивший в Афинах, позже всего коснулся культовых реалий. Все, что нам известно об афинском жречестве, свидетельствует о том, что оно находилось в руках представителей древних родов вплоть до конца V в. до н.э. Только они обладали знанием τὰ πάτρια и претензией на это знание; таким образом, разделение экзегетов на аристократических и неаристократических до IV в. до н.э. маловероятно. Но если все экзегеты были аристократами, зачем бы Солону понадобилось делить их на две группы? Мы думаем, что можно предположить следующую гипотезу: институт экзегетов был не реформирован, как считает Ф. Якоби, но создан Солоном после того, как он опубликовал свои законы. Естественно полагать, что при появлении письменных законов появляется необходимость в людях, которые могли бы их истолковать и объяснить всем

---

¹⁵ Jacoby 1949, 29.

¹⁶ Ibid., 34–35.

нуждавшимся в этом. Если до этого эвпатриды были и носителями, и толкователями права, то при появлении письменного законодательства они становятся знатоками и толкователями права, как писаного, так и неписаного (τὰ πάτρια). Очень характерен пример клиента Демосфена, который после убийства своей кормилицы изучил законы Драконта, выставленные на площади, и одновременно с этим обратился к экзегетам (*Dem.* XLVII.68–71). При благоприятном отношении к деятельности Солона дельфийского оракула¹⁷ должность экзегетов была «освящена» санкцией авторитетного бога, и три экзегета стали именоваться пифохристами, однако один «на всякий случай» был оставлен независимым от Дельф и получил название «ἐξηγητῆς ἐξ εὐπατριδῶν ὁ ὑπὸ τοῦ δήμου καθεσταμένος». Дополнение «ἐξ εὐπατριδῶν» могло появиться лишь для того, чтобы отличать их от экзегетов ἐξ Εὐμόλπιδων, причем сама фраза «ἐξ εὐπατριδῶν» могла появиться значительно позже, если принять гипотезу К. Клинтонна о том, что экзегеты ἐξ Εὐμόλπιδων были учреждены в IV в. до н.э.¹⁸ (впервые термин «ἐξηγητῆς ἐξ εὐπατριδῶν» появляется в источниках в конце II в. до н.э.). Учреждение же института экзегетов в конце V в. до н.э., в ходе реформ Никомаха (как считает Дж. Оливер), по нашему мнению, не имело особого смысла, поскольку нужда в толкователях τὰ πάτρια появилась именно тогда, когда τὰ πάτρια, т.е. неписаное право, отделилось от писаного права. И произошло это во время Солона. Если же принять гипотезу, что экзегеты появились в конце V в. до н.э., возникает вопрос: к кому же обращались для истолкования неясных правовых казусов и τὰ πάτρια в течение тех двух веков, что прошли после реформ Солона? Предположение Дж. Оливера, что таковыми толкователями были χρησμολόγοι и μάντιες¹⁹, убедительно раскритиковал Г. Блох, утверждавший, что χρησμολόγοι и μάντιες были лишь интерпретаторами оракулов²⁰.

Как мы видели, экзегеты давали консультации как частным людям, так и государству. При этом, как мы полагаем, государство вряд ли нуждалось в консультациях с экзегетами по вопросам права, в отличие от простых людей; скорее его могли интересовать необходимые сакральные действия, сопутствовавшие тому или иному действию, — правильное принесение публичной жертвы (скажем, необходимость принесения жертвы ἀρεστήριον после ремонта статуи Афины Ники — IG II³ 444) или

¹⁷ Суриков 2003, 46. Правда, автор этой статьи ошибочно считает экзегетов истолкователями оракулов.

¹⁸ Об экзегетах ἐξ Εὐμόλπιδων см. ниже.

¹⁹ Oliver 1950, 105.

²⁰ Bloch 1953, 408–410.

необходимые очищения при осквернениях (типы осквернений, при которых требовалось вмешательство экзегетов, нам неизвестны; об осквернениях (ἄγος) упоминает лишь один поздний комментатор, Тимей). При этом сами экзегеты никаких действий не производили, а выступали только советниками. Не были они также истолкователями оракулов и прорицателями (как χρησμολόγοι или μάντιες) и не участвовали в политических делах — во всяком случае, ни один автор не упоминает экзегетов в качестве политических советников, тогда как χρησμολόγοι и μάντιες нередко встречаются и у Геродота, и у Фукидида, и у комиков (см., например, у Фукидида об истолкователях оракулов, побуждавших афинян к сицилийской экспедиции, — *Thuc.* VIII.1). Любопытно, что ни разу экзегеты не становятся объектами нападок комедиографов в отличие от тех же прорицателей. Ф. Якоби настаивает на том, что экзегеты-пифохристы — это именно государственные экзегеты, подчеркивая термин «государственные»; но, по нашему мнению, столь важные персоны гораздо чаще появлялись бы в источниках, подобно тому, как часто фигурируют в надписях, скажем, иеропеи²¹ или эпистаты; мы же слышим о них эпизодически. Поэтому, думается, не стоит переоценивать роль экзегетов как государственных служащих; они были столь же важны для государства, как и для частных лиц, и институт создавался, по-видимому, для толкования как в пользу государства, так и в пользу частных лиц.

Более того, в основном мы встречаем в источниках сведения о консультациях с ними частных лиц. По-видимому, именно потому осталось так мало упоминаний о них, что главным образом они играли роль скромных консультантов по частным вопросам, своего рода «нотариусов», — а много ли в истории осталось сведений о таких ничем не примечательных людях? Не исключено, что экзегеты брали деньги за свои консультации, но мы не слышим ни о каких-либо злоупотреблениях, ни о «злокозненности» этих людей, что можно объяснить их большим опытом (должность являлась пожизненной), а также несомненной набожностью и страхом перед мезью божества в силу знания огромного количества ритуалов, примет, суеверий и т.п. Мы думаем, что причиной того, что экзегеты были обойдены вниманием даже комедиографов, которые обычно не щадили никого, была именно их популярность среди населения и нужда в неоднократных консультациях с ними практически каждого афинянина, — а могли ли комики надеяться на беспристрастное отношение к ним экзегетов после их осмеяния (учитывая, что экзегеты избирались пожизненно)?

Не исключено, что роль и значение экзегетов в Афинах менялись на протяжении веков: например, перерыв в источниках, когда экзеге-

²¹ Об иеропеях см.: Ленская 2012.

ты не упоминаются совсем (329/8–129/8 гг. до н.э.), можно попробовать объяснить уменьшением заинтересованности государства в их услугах, на фоне изменившихся реалий эллинистического времени, однако архаизирующие тенденции II–I вв. до н.э. могли привести к восстановлению интереса к этому древнему институту (наряду с интересом ко всему антикварному, в частности статусу эвпатрида, древности рода и т.п.²²). Именно в это время появляются надписи об участии экзегетов в жертвоприношениях эфебов, в процессии на Таргелиях и их посольствах в Дельфы. Однако нужда в их услугах у частных лиц вряд ли когда-либо пропадала, хотя консультации с ними по бытовым вопросам и не нашли отражения в источниках.

Могли ли экзегеты выступать в качестве жрецов? Такой вопрос возникает потому, что в надписи 129/8 г. до н.э. экзегеты названы в числе участников процессии на Таргелиях и затем следует фраза «καὶ οἱ ἄλλοι ἱερεῖς» (SEG 21, 469, l. 35). Однако мы нигде не встречаем упоминаний о том, что экзегеты когда-либо выполняли какие-либо жреческие функции, хотя, несомненно, они были знакомы со многими жреческими техниками: так, мы уже цитировали Афинаея, который пишет о εὐπατριδῶν πάτρια, в которых был записан обряд очищения молящих (ἱκετῶν) (*Athen.* IX.78). К. Клинтон даже считает, что жрецы нередко консультировались у экзегетов по незнакомым для них вопросам²³. Ф. Якоби высказывается более определенно, полагая, что жрецами экзегеты не были, поскольку не состояли на службе какого-либо бога и могли дать только совет, но сами никаких ритуальных действий и жертвоприношений не совершали²⁴. Поэтому выражение «οἱ ἄλλοι ἱερεῖς» из надписи 129/8 г. до н.э., скорее всего, следует понимать в широком смысле, переводя «ἱερεῖς» как «сакральные лица».

Итак, мы сказали об экзегетах-пифохристах и экзегетах из эвпатридов. Третьей категорией экзегетов были экзегеты из Евмолпидов (IG II² 1672, 41, 329/8 г. до н.э.; IG II² 3490, 2–3, середина I в. до н.э.). В надписях первое упоминание о толковании законов Евмолпидами появляется во второй половине V в. до н.э.: θύεν δὲ ἀπὸ μὲν τὸ πελαγὸ καθότι ἄν Εὐμολπίδα ἐχσθεγόνται («жертвовать (часть) от пирога, согласно разъяснениям Евмолпидов») (IG I³ 78a, 36)²⁵. По мнению К. Клинтона, толкование священных законов родом Евмолпидов практиковалось еще в доклизфенов-

²² Aleshire, Lambert 2011, 558, 561 f.

²³ Clinton 1974, 89.

²⁴ Jacoby 1949, 47.

²⁵ Кроме того, см.: Agora 16.57; IG II² 41, 1672.

ской Аттике, а специальные толкователи и знатоки священных законов — экзегеты — появились у Евмолпидов лишь в начале IV в. до н.э., коллегия экзегетов из Евмолпидов зафиксирована лишь в 329 г. до н.э.²⁶ Количество их точно не известно, К. Клинтон полагает, что было три экзегета из Евмолпидов²⁷. К сожалению, как и в случае с экзегетами-пифохристами, мы не можем наверняка утверждать, экзегеты из Евмолпидов появляются лишь в то время, когда они зафиксированы в источниках; но, во всяком случае, мы точно знаем, что истолкование (экзегеза) законов родом Евмолпидов существовало издревле. Кроме определенных законом предписаний существовали неписанные законы, *πάτρια Εὐμολπίδων* (*Cic. Epist. ad Attic. I.9*), которыми руководствовались Евмолпиды: Перикл советовал применять к нечестивцам «не только писанные законы, но также и неписанные, на основании которых Евмолпиды дают разъяснения (τοῖς ἀγράφοις νόμοις καθ' οὓς Εὐμολπίδαι ἐξηγοῦνται), которые отменить еще никто не был властен, против которых никто не осмеливался возражать, автора которых они и сами не знают» (*Lys. VI.10*; пер. С.И. Соболевского).

На основании этих неписанных законов, по мнению многих исследователей²⁸, жрецы могли выносить суровые приговоры, не дожидаясь заседания священного совета, как, например, приговор двум непосвященным юношам-акарнанцам, случайно зашедшим в храм в дни Элевсинских мистерий (*Liv. XXXI.14.7-8*). Плутарх употребляет выражение «παρὰ τὰ νόμιμα καὶ τὰ καθ' ἑστῆκότα ὑπὸ τ' Εὐμολπίδων καὶ Κηρύκων καὶ τῶν ἱερέων τῶν ἐξ Ἐλευσίνος» («вопреки законам и правилам Евмолпидов, Кериков и элевсинских жрецов») (*Plut. Alc. 22*). У Андокида в речи «О мистериях» (115) говорится о существовании νόμος πάτριος, согласно которому всякий, кто положит масличную ветвь в Элевсинском храме во время мистерий, должен быть казнен без суда. Здесь же упоминается о том, что представители рода Кериков не имели права истолковывать священные законы²⁹. Известен случай, когда долгая тяжба между Афинами и Мегарами об обработке священного участка завершилась в 350/349 г. до н.э. согласием обеих сторон передать суд иерофанту и дадуху (*IG II² 204*). *Εὐμολπίδων πάτρια* передавались Евмолпидами из поколения в поколение в течение многих веков

²⁶ Clinton 1974, 90–91.

²⁷ *Ibid.*, 90.

²⁸ Foucart 1914, 152; Новосадский 1887, 49.

²⁹ Дискуссию по этому вопросу см.: Oliver 1950, 18–23. В. Диттенбергер (*Dittenberger* 1885, 12–13) отмечает, что единственное известное нам упоминание экзегетов из Кериков (*Foucart* 1882, 436) относится к позднему времени, т.е. речь идет об одной из почетных должностей, а не о праве Кериков.

и были записаны только в начале I в. до н.э. — письмо Цицерона, в котором он просит прислать их копию, относится к 67 г. до н.э.³⁰

Итак, согласно нашей реконструкции событий экзегеты в Афинах появились после реформ Солона для истолкования новых, писаных, законов и разъяснения неписаных законов (τὰ πάτρια). Экзегеты избирались из эвпатридов, традиционно владевших знаниями законов; кандидатуры некоторых из них (возможно, троих) утверждались пифийским оракулом, другие (возможно, один) просто назначались демосом и были «независимыми» от Дельф лицами. Число экзегетов могло быть различным в разное время. В услугах экзегетов нуждались как государство, которое консультировалось у них главным образом по вопросам необходимых ритуалов и жертвоприношений в исключительных случаях, так и частные лица, обращавшиеся к экзегетам гораздо чаще, для получения разъяснений по поводу темных и неясных правовых казусов и во всех случаях, связанных с соблюдением отеческих обычаев в бытовых ситуациях. Положение экзегетов в государстве могло изменяться: в соответствии с сохранившимися источниками менее всего государство нуждалось в них в период с конца IV в. до н.э. до сер. II в. до н.э.; далее, по мере усиления архаизирующих тенденций и усиления интереса ко всему древнему и антикварному, «спрос» на экзегетов увеличивается, и они появляются в составе различных государственных коллегий и делегаций. Нужда частных лиц в услугах экзегетов, по нашему мнению, не уменьшалась никогда.

Литература

1. *Ленская В.С.* 2012: Иеропеи в древней Греции // ПИФК. 4, 179–191.
2. *Новосадский Н.И.* 1887: Элевсинские мистерии. СПб.
3. *Суриков И.Е.* 2003: Солон и Дельфы // *Studia historica*. III, 38–52.
4. *Aleshire S.B., Lambert S.D.* 2011: The Attic Gene and the Athenian Religious Reform of 21 BC // *Priests and State in the Roman World*. Stuttgart, 553–575.
5. *Bloch H.* 1953: The Exegetes of Athens and the Prytaneion Decree // *AJPh*. 74. 4, 407–418.
6. *Clinton K.* 1974: *The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia.
7. *Dittenberger W.* 1885: *Die eleusinischen Keryken* // *Hermes*. 20, 1–40.
8. *Ehrmann Ph.* 1908: *De iuris sacri interpretibus Atticis*. Giessen.
9. *Foucart P.* 1882: *Inscriptions d'Éleusis* // *BCH*. 6, 434–437.
10. *Foucart P.* 1914: *Les mystères d'Éleusis*. P.

---

³⁰ Oliver 1950, 51–52.

11. *Jacoby F.* 1949: *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens.* Oxf.
12. *Oliver J.H.* 1950: *The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law.* Baltimore.
13. *Oliver J. H.* 1954: *Jacoby's Treatment of Exegetes* // *AJPh.* 75. 2, 160–174.
14. *Ostwald M.* 1951: *The Prytaneion Decree Re-Examined* // *AJPh.* 72. 1, 24–46.
15. *Persson A.W.* 1918: *Die Exegeten und Delphi.* Lpz.
16. *Schoell R.* 1872: *Die Speisung im Prytaneion zu Athens* // *Hermes.* VI, 14–54.
17. *Wade-Gery H.T.* 1932–1933: *Studies in Attic Inscriptions of the Fifth Century BC* // *ABSA.* XXXIII, 101–135.

Принятые сокращения

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва;
 Магнитогорск
 ABSA – Annual of the British School at Athens
 AJPh – American Journal of Philology. Baltimore
 BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris

V.S. LENSKAJA

EXEGHETAI IN ATENE COME ESPERTI DELLE LEGGI DIVINE ED UMANE

(RIASSUNTO)

In questo articolo si descrive l'istituto ateniese degli *exeghetai* – gli interpreti del diritto scritto e non scritto.

Si studiano le origini e le cause della sua istituzione, le modalità di nomina e l'ambiente sociale di reclutamento

degli appartenenti a tale categoria di operatori del giuridico. Ancora, il numero e le diverse categorie degli *exeghetai*. Nella parte finale si cerca di scoprire chi è stato il principale cliente degli *exeghetai*: lo Stato o i privati?